

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ АНАТОЛЯ ФРАНСА

Проблема литературного наследия А. Франса по-иному ставит и вопрос о его литературном наследстве, в буквальном смысле этого слова об оставшихся после него страницах — либо совсем не обнародованных, либо не входивших прежде в собрание его сочинений. Для русского массового читателя к таким страницам присоединятся и произведения, не переведенные до сих пор на русский язык, хотя и давно опубликованные во Франции. Неизвестные страницы Франса могут пригодиться не только в плане «психологии творчества» или в качестве литературных реликвий, — они часто приобретают серьезное первостепенное значение для понимания классовой природы, классовой направленности его произведений.

Большое иллюстрированное собрание сочинений Франса, начавшее выходить в издательстве Кальманн-Леви с 1925 г. (т. е. уже после смерти писателя) и доведенное пока лишь до «Восстания Ангелов» (т. е. до 1914 г.)¹, воспроизводит в своих приложениях к отдельным томам, по рукописям или по затерянным давним номерам журналов, не мало интересных отрывков, включает в себя ряд произведений, вышедших лишь отдельными случайными книгами. К сожалению, наше советское издание Франса (недавно законченное ГИХЛ) совершенно не учло этих новых материалов.

Однако и французский читатель не может считать, что основной фонд «неизвестного Франса» стал ему известен после упомянутого посмертного издания. Рукописи Франса хранят в себе еще множество необнародованных и неиспользованных отрывков². Черновые материалы произведений Франса еще очень мало изучены. Несомненно, имеется очень много черновиков, быть может, ревностно сохраняемых любителями литературы, страстными коллекционерами или запасливыми издателями, но либо слабо изученных, либо совсем еще не ставших предметом изучения и лишь в незначительной части описанных, а иногда и совсем даже не зарегистрированных нигде в печати.

Некоторые сведения о рукописных материалах к произведениям Франса даны в отдельной брошюре, описывающей рукописи писателя, принадлежащие Национальной библиотеке в Париже (составитель брошюры — Андре Мартэн)³. Однако описание это не может быть названо ни текстологическим, ни даже текстграфическим, а лишь текстотильским. Пиэтет, испытываемый составителем по отношению к «мэтру», направлен не столько на творческую работу Франса, на содержание его произведений, сколько на бумагу, почерк и особенно почему-то на изыскство переплета.

Если описание рукописей Франса стоит не на высоте, то еще меньше внимания уделяется литературоведческому использованию рукописных материалов. Кроме отдельных случайных замечаний, литературоведы ничего не дают по этому вопросу. Правда, в капитальной своей работе, посвященной творчеству Франса,

¹ Oeuvres complètes illustrées d'Anatole France, Paris, Calmann-Lévy éditeurs. В дальнейшем всякжд «Oeuvres».

² В 1928/29 г., во время моей заграничной командировки, мне удалось ознакомиться с литературным архивом Франса по материалам рукописного отделения Национальной библиотеки и некоторых частных лиц.

³ André Martin. Belles éditions et manuscrits d'Anatole France à la Bibliothèque Nationale, Ed. Champion, 1925.

профессор Мишо¹ касается довольно часто истории создания его произведений, первоначальных замыслов, вариантов и прочего, но, во-первых, при восстановлении этой истории он совершенно не пользуется рукописями, а прибегает лишь к печатным материалам — журнальным статьям, первым изданиям и т. п., не могущим, конечно, вполне заменить материалы рукописные, во-вторых — и это главное — Мишо, в соответствии с общим заданием книги, ставит себе и здесь чисто психологическую задачу: доказать отсутствие у Анатоля Франса так называемого творческого воображения. Так что даже в тех случаях, когда выводы исследователя не вызывают возражений, они бьют мимо подлинно литературоведческой цели.

К двум основным категориям «неизвестных страниц» писателя надо присоединить для большинства советских читателей и третью — его непереведенные произведения, множество литературно-критических и публицистических статей и все его стихотворное наследие. Избранные статьи Франса вошли в последний, недавно вышедший том гихловского издания, но сборник «Золотые поэмы» и драма в стихах «Коринфская свадьба» остались непереведенными.

Значение «неизвестного» Франса для проблем его литературного наследия велико и разнообразно.

Прежде всего здесь имеется ряд страниц, обладающих непосредственной литературной ценностью, раскрывающих иногда даже с большею, чем в «известных» страницах, остротой социальную направленность сатиры Франса.

«Господин Бержере в Париже», заключительная часть «Современной истории», дает, как известно, переход от отдельных вопросов социальной повседневности, развиваемых в первых трех частях тетралогии, к крупнейшим проблемам политической борьбы. Само переселение старого профессора Бержере в Париж, связанное фабульно с приглашением его для чтения лекций в Сорбонне, понадобилось не столько университету, сколько главным образом Анатолю Франсу: оно дает возможность перенести социальный скепсис Бержере на более обширный и более значимый политический материал, — вместо провинциальной истории епископских выборов здесь перед нами картина муниципальных выборов в Париже, событие большой политической важности, позволяющее показать уже не отдельные бытовые эпизоды, а всю область государственной политики, позволяющее показать уже не столкновение личных интересов, не состязание отдельных маленьких групп, а борьбу политических партий. Не только борьба за влияние в муниципалитете, но наглый монархический заговор, о существовании которого хорошо осведомлена республиканская полиция, смотрящая на все это сквозь пальцы, темные агенты монархической реставрации, прикрывающиеся в условиях республиканского строя званием националистов, преступная снисходительность по отношению к ним или даже предательское покровительство со стороны самой республиканской власти — вся эта тематика основного текста дает развернутый художественный комментарий к истории умирающего капитализма. Правда, Франс — в этом сказалась его буржуазная ограниченность — не сумел противопоставить белому террору светских молодчиков ничего, кроме суммарно-человеколюбивых высказываний мирного, философически-спокойного рабочего Рупара, но один из недавно обнаруженных отрывков «Господина Бержере», не вошедших в окончательный текст, показывает, как Франс опытен в своих разоблачениях, как он, например, умеет обнаружить реакционные силы и под покровами маскарадного социализма.

В этом отрывке², под заглавием «Утешительное зрелище», запечатлен переход бывших монархистов-заговорщиков на легальное, так сказать, положение, попытка установить мирные отношения с бедняками и пролетариатом. Несколько страниц этой главы до краев насыщены едкой насмешкой Франса. Ходячие формы фарисейской благотворительности получают в беспощадных парадоксах и гротескных ситуациях Франса свою *reductio ad absurdum*. Рассуждение о том, что для богача труднее, чем для бедняка, помогать нищим, ибо у бедняка все равно не остается никаких сбережений, а бюджет богача требует строгой плановости во всех расходах;

¹ G. Michaut, Anatole France. Paris. 1922.

² См. упомянутое посмертное изд. Франса, т. XII, Bibliographie.

АНАТОЛЬ ФРАНС
С портрета Ван-Донгена (1921 г.), хранящегося в Люксембургском Музее

ссылка на утверждения экономистов о том, что роскошь — наиболее действительная форма благотворительности; проект создания фешенебельного благотворительного бара, в котором для привлечения публики за стойкой будут работать светские дамы и модные кокотки, светские дамы — по постным дням, кокотки — по скоромным, — все это у Франса только изготовка для меткого завершительного удара по лицемерию господ буржуа. Здесь характерна цинически-откровенная речь Анри Леона, недавнего заговорщика-монархиста:

«Между нами нет разногласий относительно цели. Наши мнения разделяются лишь по вопросу о способах осуществления. Вы хотите пожертвовать небольшую часть своих денег с тем, чтобы укрепить за собою остальное. Так вот что я вам скажу. Предоставьте нищим собственными силами выпутываться из положения и организуйте общества для рабочих. Внушайте народу под видом социализма мысль о благодетельности личной собственности и убеждайте страдающих в том, что страдание прекрасно.

Идите и учите. Ваше спасение зависит от успеха этой благотворительной миссии. В Париже, в провинции, везде организованы народные университеты, в которых отвратительные интеллигенты изыскивают вместе с рабочими средства к освобождению пролетариата. Так давайте же и мы, капиталисты и националисты, основывать повсюду другие университеты, чтобы обучать народ невежеству, наставлять его в чувстве отречения и убеждать довольствоваться счастьем, которое ожидает его на том свете. Примемся же за дело! Будем сеять по всему свету доброе семя. Объявим себя социалистами, чтобы войти в доверие к народу, и встанем на защиту капитала против его врагов».

Социальная целеустремленность художественных произведений Франса до сих пор еще изучена крайне суммарно, до сих пор еще участие этого художника в конкретной классовой борьбе эпохи умирающего капитализма не освещено с достаточной ясностью. Франс буржуазен — утверждение это не подлежит сомнению, но подлежит углубляющему и расчленяющему развитию. Франс сатирически разоблачал загнивающее капиталистическое общество — это утверждение тоже не подлежит сомнению, но тоже требует уточнений. Нельзя усматривать в социальной сатире Франса лишь самобичевание буржуазии — и только. Какую боевую задачу выполняло такое «самобичевание»? Какая группа буржуазии действовала через литературные произведения Франса, на какие классовые группы были направлены удары его сатиры?

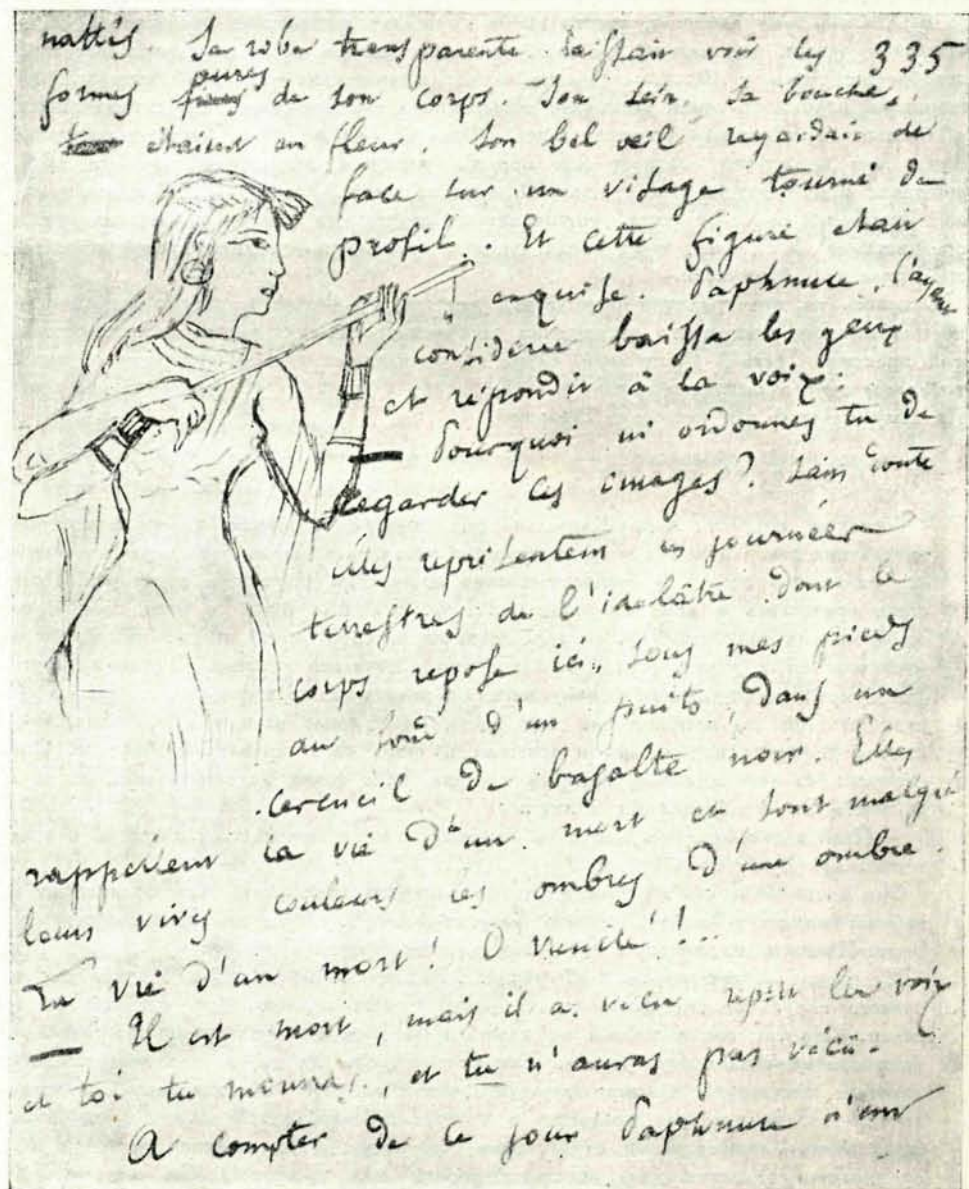
При разрешении этого вопроса может быть использован наряду с основным материалом — законченными произведениями писателя — и ряд неизвестных отрывков, некоторые недоовлащенные высказывания Франса, почему-либо не допущенные им до окончательного текста, но иногда с большей прямотой раскрывающие классовую направленность его сатиры.

В печатном тексте «Убеждений аббата Куаньяра» дается в словах аббата развернутая критика всех устоев не только существующего, но и всякого возможного человеческого общества (здесь сказалась буржуазная близорукость Франса, возводившего противоречия капитализма в вечные социальные категории), — и уже от себя, от автора, Франс замечает (эти слова тоже имеются в печатном тексте):

«С тех пор как аббат Куаньяр говорил таким образом, Прометей несколько раз свергал с престола Юпитера, и пророчества мудреца оправдались с такой буквальной точностью, что в настоящий момент даже подозревают, — настолько новый порядок похож на старый, — не осталась ли и впрямь власть за древним Юпитером? Многие даже отрицают пришествие Титана».

Здесь можно без труда констатировать общее разочарование Франса в демократической республике, слова же о сходстве нового и старого строя — прямое следствие того разгула монархической клики, которому так явно и нагло попустительствовала тогдашняя «республиканская» власть («Убеждения» вышли в 1893 г.), того выветривания республиканских устоев, которое сделало возможной грандиозную авантюру генерала Буланже.

Но подобная расшифровка еще уточняется благодаря отрывку, не перешедшему из рукописи в печатный текст: «Говорят, что Прометей 89 года,—пишет там Франс вслед за только что приведенными словами,—был не чем иным, как буржуа, приобретателем государственного имущества, крупным придильщиком, землевладельцем, хозяином рудников».

ОДНА ИЗ СТРАНИЦ РУКОПИСИ «ТАИС»

О подлинника, хранящегося в Парижской Национальной Библиотеке

Здесь уже совершенно откровенно обвинение в дискредитировании республиканских принципов бросается в лицо именно крупной буржуазии.

Нападая на Третью Республику, Франс апеллировал в своих напаках к интересам человечества, мысли и так далее, подобно тому как старая торгово-промышленная

буржуазия в своей борьбе с финансовой олигархией любила ссылаться на общереспубликанские и общедемократические интересы.

Однако рукопись книги «На белом камне» — одной из книг, где сознание гибельности капитализма дошло у Франса до высшей своей точки, — хранит в себе любопытнейшую улику по вопросу о классовом самосознании писателя. На одной из страниц участник пессимистических диалогов о противоречиях империализма носит, по первоначальному наброску, вместо имени Ланжелье, которым он обозначен в окончательном тексте, имя самого писателя, и характеристика этого персонажа внезапно приобретает здесь у Франса значение самохарактеристики: «Николь Ланжелье, из старинной парижской семьи Ланжелье печатников и гуманистов», — надо только вместо «Ланжелье» восстановить первоначальное «Франс». Так в эпоху, когда реакционная финансовая буржуазия покупает себе предков вместе с фамильными замками разорившихся аристократов, сын парижского книгоиздателя Франсуа Тибо, идеолог нового гуманизма XX столетия, устанавливает родственные связи с «печатниками и гуманистами» XVI века, ищет своих предков среди интеллигенции старой торгово-промышленной буржуазии.

Опираясь на эти традиции буржуазной демократии, Франс и дает с особой резкостью картину цинического извращения всех демократических устоев в государственной практике Третьей Республики. Одна из неизданных глав «Придорожного вяза» добавляет немало любопытных черт к сатирическим зарисовкам «Современной истории». Приложу целиком эти несколько страниц¹.

«Господин префект.

Господин префект Вормс-Клавелен был вызван в Париж новым министром внутренних дел. Он вошел в присутственные места на площади Бово через знакомую ему маленькую дверку и беспрепятственно прошел по секретным коридорам. Пристава относился к нему покровительственно. Он был груб с ними, как и со всеми своими подчиненными, но грубостью не оскорбительной, именно такой, какая появлялась бы и у них, если бы внезапно они обменялись местами. Таким образом, его манеры, не внушавшие к нему никакого уважения, не вызывали, однако, и ненависти. При его приближении эти люди, украшенные цепями и гадунами, толкали друг друга под локоть и шептали на ухо: «Вот жидовский префект». Они смотрели на него с видом, который говорил: «Он ничем не замечателен, но себе на уме!» Он же бурчал им в лицо:

— Подите доложите обо мне и не заставляйте меня покрываться плесенью в прихожих, ну!

Они провожали его из зала в зал со смутным сознанием, что вталкивают в кабинет министра что-то немного непристойное. В общем же господин префект Вормс-Клавелен не вызывал антипатии в министерских кулуарах.

Аудиенция состоялась по всей форме. Министр, Альфонс Юге, депутат самого бедного округа одного из крупных промышленных городов, был крайним радикалом. Но так как в здании на площади Бово он замещал министра-радикала, то и сам он оказался умеренным. Его прошлое, говорил он, давало прогрессивной политике достаточно прочные гарантии, чтобы он мог себе позволить, не пугая демократии, на этот раз проводить в интересах республики политику примирения, единственно действенную и единственно возможную. Ибо следует ли ради неосторожного волнения умов компрометировать дело прогресса? Он полагал, что нет. В действительности же он занят был вербовкой двадцати голосов правой, которые были ему необходимы. И социалистические газеты говорили, что он продан Орлеанскому дому.

Он беседовал с Вормс-Клавеленом с любезностью, приобретенной во время посредничества по страхованию, что было его профессией в течение десяти лет, в последние годы Империи и во время «морального» режима.

¹ См. «Oeuvres», XI, Bibliographie.

— Рад вас видеть, господин префект! Хочу, чтоб вы вернулись к себе в департамент с сознанием, что мы — люди порядка и прогресса.

Господину Вормс-Клавелену вспомнилось, что и предшествующий министр обратился к нему с точно такими же словами: «Прогресс, осуществляемый через порядок, — такова наша цель». Но у него не было иронической жилки, и он был слишком серьезен, чтобы предаваться пустой игре философических сближений.

Министр продолжал:

— Я уже видел здесь вас на этом же самом месте, господин префект!

Действительно, господин Альфонс Юге, как известно, получил портфель министерства внутренних дел в самом трудолюбивом кабинете, который было поручено образовать почтенному господину Карно во времена скандалов.

— На этом же самом месте. Я рад видеть вас снова здесь. Не будучи во всех подробностях знаком с вашей административной деятельностью, я, кажется, не ошибаюсь, полагая, что вы успешно действуете в вашем департаменте, одном из прекраснейших, смею сказать, в одном из самых процветающих во всей Франции.

Так из уст господина министра внутренних дел господин префект Вормс-Клавелен получил награду за свою глубокую мудрость. Господин Вормс-Клавелен справедливо рассматривал предыдущее министерство как преходящее и бременное. И своим минутным господам он отдавал лишь неторопливое послушание и небрежные заботы. Его методом и правилом было служить лишь с посредственным усердием правительству нынешнего дня, зная, что посредственность его службы понравится завтрашним господам.

Итак, он пожинал теперь плоды своего прекрасного псевдения. И он пожинал их без гордости. Гордостью духа он ни в какой мере не страдал.

Он скорее направил бы свое тщеславие в область роскоши и богатства. И даже в тот самый момент, когда он склонял голову, благодаря министра за расположение, он думал о том, что, отравив брюшко немного побольше, можно бы заняться финансовыми делами. Он твердо надеялся с бесценной помощью Ноэми покинуть когда-нибудь административную деятельность по департаменту, чтобы проникнуть в высшие сферы государственных финансов.

— Вы, я слышал, выразили мнение, — сказал министр, — что надо восстановить жалование бедным священнослужителям, которые были лишены его в административном порядке. Я с вами согласен. Можете передать это тем, кто ходатайствовал перед вами в этом направлении. Надо избегать мелочных ссор. Управлять можно лишь при помощи широких идей. В вашем департаменте, неправда ли, не существует клерикального вопроса? Я хочу сказать — в острой форме...

Господин префект ответил с той непосредственностью, которая придавала ему иногда вид насмешливого лукавства:

— Но, господин министр, вы знаете лучше, чем кто бы то ни было, что клерикальная проблема существует только в парламенте. У нас в провинции существует лишь проблема земледелия и проблема промышленности. Подведомственное мне население занимается немного земледелием, производит кой-какие товары, а затем отправляется на боковую, делая детей в ограниченном количестве. О, мой департамент не кишит народонаселением!

И господин префект откинулся на спинку кресла. Мешки под глазами спускались у него до середины щек, нос свисал до самого рта, губа — до подбородка, подбородок — до галстука цвета бычьей крови. Воротник его черного сюртука был усеян перхотью. Он скрестил ноги, обтянутые панталонами светложелтого цвета, очень яркими, с грязными пятнами. От него воняло скверной сигарой.

Господин министр посмотрел на него и не нашел в нем ничего особенного.

— Земледельческий вопрос, — сказал он, — и вопрос промышленный главенствуют над всеми остальными — это мое убеждение. Но нас интересует также и вопрос финансовый. Как относятся налогоплательщики вашего департамента к проекту налоговой реформы, внесенному в палату?

— Но, боже мой, господин министр, вы хорошо знаете характер налогоплательщиков! Как только им покажешь, что собираешься вытащить у них из кармана деньги, они кричат, как хорьки. Кричат — и платят.

Министр улыбнулся.

— Наша страна, — сказал он, — поистине восхитительна. По эластичности своих финансовых ресурсов Франция — первая нация в мире. Надо говорить это громко, потому что это правда.

— Ах, господин министр, когда это не будет больше правдой, придется говорить это еще громче!

И двое государственных людей посмотрели друг на друга с чувством, что лучше им перейти на другие темы.

— Я с удовлетворением убеждаюсь, господин префект, что в вашем департаменте господствует хорошее настроение. Выборы по городу и по кантону дали превосходные результаты.

Господин префект отвесил поклон.

— Действительно, господин министр, нам удалось восторжествовать над затруднениями, причиненными республике этой ужасной кампанией по диффамации, — а в моем департаменте кампания эта проводилась с чрезвычайной злобой и вероломством.

Господин префект намекал на скандалы, разразившиеся у него в департаменте и серьезно ударившие по одному сенатору, двум депутатам, двум государственным инженерам и двум финансистам, — эти последние скрылись, инженеры были подвергнуты тюремному заключению, а члены парламента были под угрозой суда.

Господин министр опустил ресницы с видом мужественной стыдливости. Господин префект продолжал свою апологию. Он добился удачных муниципальных выборов, он надеялся добиться удачных выборов в сенат. Он был опытен в административных делах. Он пользовался доверием республиканской партии. Его любило правительство, ценили монархисты и группа единства, боялись социалисты. Для укрепления деятельности и личного престижа ему недоставало только ордена Почетного легиона. Если бы господин министр, по случаю Национального праздника...

— Я возьму это на заметку, — сказал министр. — Я не могу дать вам обещания, не могу обнадежить вас. Нас забрасывают громадным количеством прошений. Вы передали свое? Да? Прекрасно. Я сделаю все, что будет возможно.

Он поднялся.

— Это только ради престижа, — сказал господин Вормс-Клавелен откланиваясь.

И, направляясь вразвалку к дверям, он показал министру свой курчавый затылок, с ушами в виде ручек от кофейника. Тогда министр подумал:

— Это умный чиновник. Но его портит что-то такое... что-то неуловимое.

Так Франс на нескольких страницах вводит читателя в ежедневную жизнь министерства не через торжественное парадное крыльцо, а через боковую дверь, по извилистым коридорам — вслед за услужливым префектом, верным приказчиком министра, умеющим добиться и желательных для министерства выборов, и орденской ленты себе в петлицу, чиновником-евреем, к тому же еще ставленником антиклерикальных групп, умеющим во время оказать маленькую поддержку католической церкви и тем самым заставить «демократов»-антисемитов почти примириться с его еврейским происхождением, почти, — но ведь префект свободен от ложной гордости, он знает, что и сам он нужен министерству и, главное, министерство нужно ему. Так парадный кабинет министра раскрывается перед читателем в образе министерской кухни.

Писатель, полный глубокого разочарования, не ограничивается одной только критикой современности, одним только сатирическим откликом на «текущие дела» Третьей Республики, — перед ним неотступно, в период написания «Современной истории» и «На белом камне», стоит вопрос о судьбе и природе капиталистического строя вообще. Новая попытка монархического переворота, организованная Дерулемом

с привлечением очередного генерала — на этот раз Роже, — мобилизация всех реакционных сил, бывшая ответом на избрание президента Лубэ и проводимую им политику «спасения» буржуазной республики, наконец, сама деятельность министерства Вальдека-Руссо, столь решительная в подавлении рабочих стачек и столь мягкая в отношении к монархистам-заговорщикам, — все это не могло не привлечь внимания сатирика Третьей Республики к самым основам капиталистического строя, к самым корням капитализма, начинающим подгнивать и расшатываться. Между прочим американский милитаризм уже в начале 90-х годов встает перед Франсом, как грозная проблема, притом проблема мирового значения.

В рукописи романа «На белом камне» есть отрывок, выпущенный Франсом из окончательного текста. Это слова одного из собеседников, Марто, о судьбе цивилизованного человечества. Сама тематика отрывка показывает, с какой резкостью ощущался Франсом американский вопрос в связи с судьбою буржуазной цивилизации вообще¹:

«Господин Рузвельт, конечно, прекрасен, — сказал Жан Марто, — когда он восклицает: Мы — римляне! Но ему не зажечь во второй раз над миром войну за мировое владычество, которая некогда столкнула ветеранов Антония с легионерами Октавия, галеры Клеопатры — с лигурнами Агриппы... Нет! Пускай Америка, пылая желанием разрабатывать огромные естественные богатства, распространяет свое экономическое и торговое могущество на океанические земли, на южную Африку и, быть может, на западную Индию, — европейский мир не будет этим поколеблен; пускай даже народы, говорящие на английском языке, 120 миллионов граждан, эксплуатирующих 350 миллионов азиатов и африканцев, образуют обширную трудовую и торговую федерацию, охватывающую треть человечества, — мировой мир не будет этим поколеблен. Этой огромной федерации будут гармонично противопоставлены другие огромные федерации, и союзы эти, обеспечивая обращение продуктов производства и легкость обмена, установят мирную солидарность народов».

Нельзя, как делают это все почти исследователи Франса, безапелляционно принимать за непосредственное самовысказывание писателя высказывания его героев, — даже при «автобиографичности» многих персонажей Франса. Надежды на «гармоничное противопоставление» и «мирную солидарность» народов окрыляют лишь одного из участников диалога, но не самого Франса, да и в окончательном тексте вместо оптимистического прогноза Марто стоят мрачные предсказания Жана Буайи:

«Подобно феодальному строю, капиталистический строй есть строй военный. Открылась эра великих войн за промышленное первенство. При современном режиме национального производства назначение тарифов, установление таможен, открытие и закрытие рынков будет зависеть от пушки. Нет другого регулятора торговли и промышленности. Уничтожение — вот роковой результат экономических условий, в которых находится сейчас цивилизованный мир»².

АНАТОЛЬ ФРАНС В ПЕТЕРБУРГЕ В 1913 Г.
Снимок сделан в Эрмитаже у бюста Вольтера
работы Гудона

¹ Привою отрывок по рукописи Национальной библиотеки, стр. 69.

² «Oeuvres», v. XIII, p. 504.

Сам Франс всей своей книгой «На белом камне» пытается найти выход из катастрофических противоречий капитализма в новых, коллективистических началах будущего общества — и в своей растерянности перед империализмом пытается опереться на социализм. Исследователи Франса совершенно основательно утверждают, что «социализм» автора «На белом камне» прикрывает все тот же буржуазный франсовский скептицизм. Впечатление от всей книги подтверждается и свидетельством рукописи. Главная скептическая оговорка, которую делает автор «На белом камне», — в том, что социальным сдвигам противопоставляется вечная, неизменная биологическая природа человека. В рукописном тексте оговорка эта приобретает особо подчеркнутый характер, и вся социалистическая утопия заканчивается словами старого археолога Джакомо Бони: «В общем, человечество мало меняется. То, что будет, — есть то же, что было»¹. В окончательном тексте после этих слов следуют еще разговоры друзей, но эта первоначальная заключительная фраза наглядно формулирует итог писателя в его размышлениях об историческом процессе. К формуле «Так было — так есть», составляющей основной пафос всех исторических реконструкций Франса, книга «На белом камне» прибавляет формулу: «Так было — так будет». «Неизвестный» Франс только подтверждает в этом отношении «известного». Однако ни совершенно отрицать социалистические устремления Франса, как это пытается сделать Мишо², ни ограничиться установлением их противоречивости, как это делает М. Гаффио³, будет неправильным. Правда, Франс смотрел на коллективистическое будущее с недоверием и, быть может, даже с отчужденностью, он не представлял себе в полной мере всех обновляющих, творческих возможностей социализма, он, оставаясь на своих буржуазных позициях, подменил подлинный, революционный социализм реформизмом, — но уже самый факт обращения к идее социализма характерен для всего его творческого пути.

Еще в «Современной истории» Франс противопоставляет социальной повседневности тогдашней Франции лишь мечту о далеком социалистическом будущем. Художник буржуазной демократии приемлет там идею социализма в ее мелкобуржуазной редакции.

В «Современной истории» Франс при критике буржуазного строя, при разоблачении Третьей Республики аргументирует интересами всего человечества, ссылаясь на мечту философов, которая движет миром. Новелла о Кренкебиля дает материал для классовой расшифровки этих «общечеловеческих» идеалов Франса. Писатель здесь уже не только нападает на общественную практику своей современности во имя общих принципов справедливости, не только противопоставляет бездушному аппарату республиканской власти благородного и благожелательного к людям врача Давида Маттье, человеколюбивого интеллигента, вступившегося за Кренкебиля. — Франс пытается здесь говорить в защиту бедняка, солидаризуется в лице Кренкебиля с миром нищеты и бесправия. Художник среднебуржуазной интеллигенции протягивает здесь, таким образом, руку сочувствия деклассирующемуся мелкому буржуа.

Симпатии к деклассированным элементам еще отчетливее выражены в драматической переделке «Кренкебиля», написанной Франсом еще в 1903 г., но включенной в собрание его сочинений лишь после его смерти. Эта драматическая переделка помогает с большей наглядностью и убедительностью разобраться в классовой направленности первоначального рассказа.

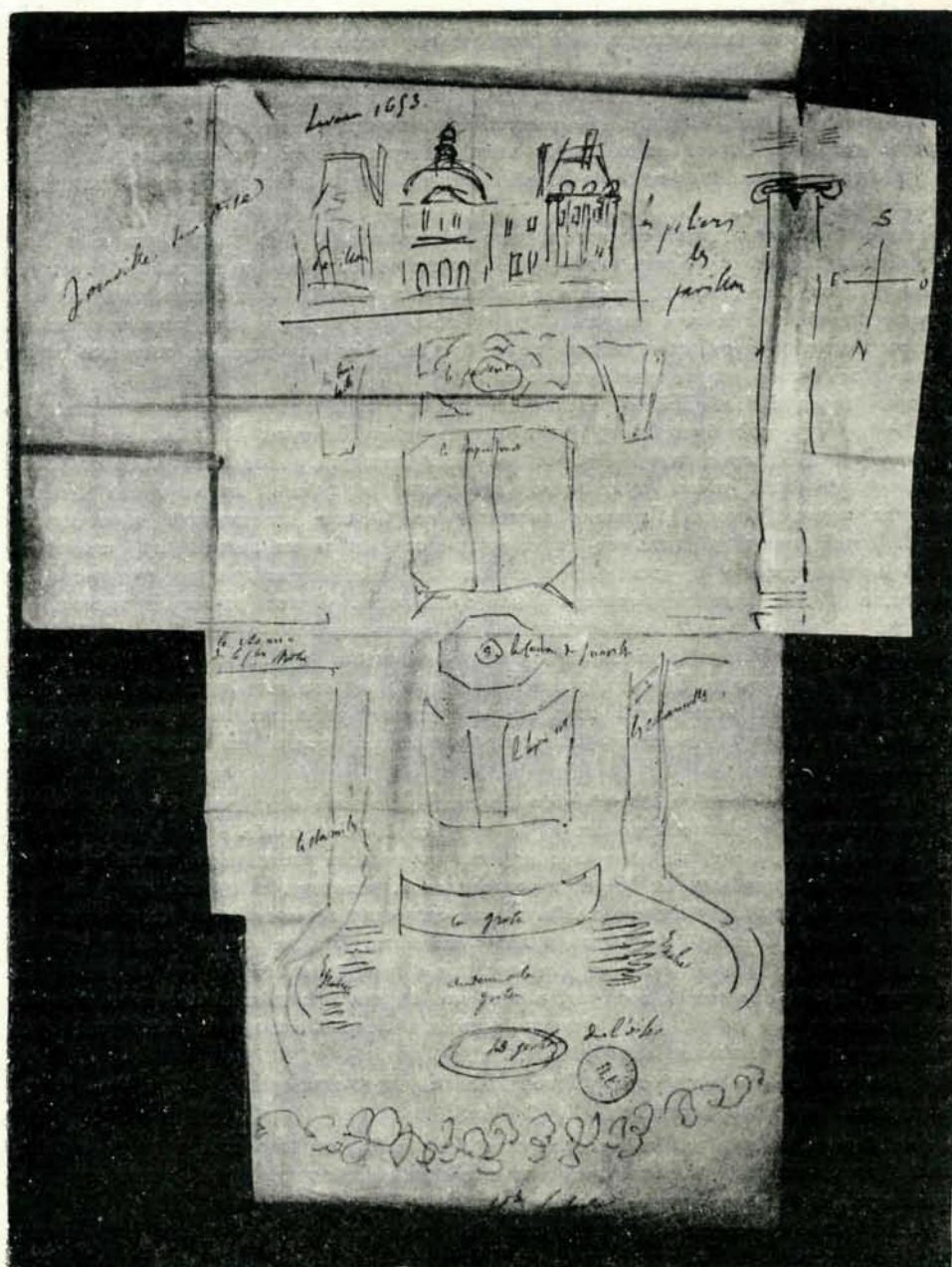
Как известно, рассказ заканчивается сценой, подчеркивающей парадоксальность республиканского административно-судебного аппарата: Кренкебиля, посаженный в тюрьму по ложному обвинению в оскорблении полицейского и после этого совершенно вышибленный из жизни, лишенный крова и хлеба, начинает мечтать хотя бы о тюремном крове и о тюремном хлебе; как попадают в тюрьму — он уже знает по собственному опыту, и вот на этот раз он уже действительно оскорбляет полицейского, но судебно-административный аппарат, к его изумлению, действует капризно, и преступнику так и не удается добиться желанного наказания.

¹ Рукопись Национальной библиотеки, стр. 98.

² См. упомянутую его работу.

³ Maurice Gaffiot, *Les théories sociales d'Anatole France*, Alger, 1923.

«Если хватать всякого прощальгу, который говорит, чего не полагается, то и работы не оберешься... Да и к чему бы это послужило? — трезво поясняет оскорбленный полицейский.

НАБРОСОК АНАТОЛИЯ ФРАНСА: УСАДЬБА, В КОТОРОЙ ЖИВЕТ ГЕРОИННЯ «КРАСНОЙ ЛИЛИИ»

С подлинника, хранящегося в Парижской Национальной Библиотеке

Констатируя еще один из многочисленных парадоксов социальной действительности, Франс этим и заканчивает своего «Кренкебиля» в его новеллистической редакции.

В драматической переделке писатель не бросает своего героя в нерешительном удивлении, но пытается найти для него какой-то выход. В тот момент, когда старик уже собирается топить, для него звучит поддержкой и надеждой дружеский голос беспризорного, по прозвищу Мышь:

«Мышь. Идите со мною. У меня есть хлеб, колбаса и бутылка вина. Мы поужинаем, как миллионеры, и я вам сделаю постель, как у меня, из мешков и стружек, а там посмотрим, утром будет виднее. Идите же, папаша!

Кренкебиль. Ты еще молод, ты еще не испортился.. Люди злы — ты еще не похож на них. Паренек, ты можешь рассказывать, что в свои годы ты уже спас человека. О, это не такая уж важная штука! Нечем тут особенно гордиться, от этого не сдвинется луна со своего пути и не приукрасится Республика. Но ты спас человека»¹.

Так один обездоленный спасает другого обездоленного. Мы видим, что и в драматической переделке «Кренкебия», уже вплотную подойдя к жизненной практике Третьей Республики, воплощенной в судьбе живых людей, Франс, нашедший столько отрезвляющей иронии для расценки буржуазных филантропов, сам пытается искать отпора жестоким парадоксам жизни не в борьбе, а в филантропии, пытается найти мирное, не боевое разрешение противоречий.

Страх перед революцией, определявший политическую идеологию и политическую борьбу французской буржуазной демократии после Коммуны 1871 г., продиктовал Франсу трагические страницы его романа «Боги жаждут», ибо, конечно, этот роман не революционный, каким нередко его называют в нашей критике, ибо революционная непримиримость Гамелена вызывает во Франсе непонимание и отчужденность. Такой вывод убедительно подтверждается одним из неизданных набросков, лишь предварительно и чрезвычайно схематично намечающих фигуру будущего Гамелена в образе художника-гравера Жозефа Клемана. Франс развивает эпизод, вошедший с небольшими изменениями и в окончательную редакцию, — изображает долгое стояние в очереди за хлебом, беседу художника с Бротто (в наброске тот еще носит имя Никола Бургад), добрый поступок молодого революционера, отдающего свою долю хлеба истощенной женщине с трудным ребенком на руках. Но конец этой главы по первоначальному наброску раскрывает тенденцию эпизода в более обнаженном виде:

«Вернувшись домой, Жозеф Клеман застал свою мать сидящую у окна за починкою чулок. Он весело положил ей в руку свой кусок хлеба.

— Простите меня, милая мама: я устал от долгого стоянья на ногах, меня за толкали, я измучился от жары, проголодался и, возвращаясь домой, кусок за куском, я съел половину нашего хлеба. Здесь едва-едва остается ваша доля, мама.

И Жозеф Клеман, поцеловав в лоб свою мать, сел за стол и написал на имя общественного обвинителя при революционном трибунале письмо, где обвинял Никола Бургад, бывшего дворянина, в том, что он вел противоправительственные разговоры в толпе на улице Иерусалима, перед булочной, называя республиканскую юстицию «национальной мясорубкой».

Вот что сделала в этот день Жозеф Клеман, художник-гравер. Этот человек не понятен. Все люди непонятны»².

Так Франс в одном из своих набросков буквально расписывается в своем непонимании революции, в неразрешимости для него противоречия между добротой сердца и революционной непримиримой волей.

Увести внимание от острой и напряженной борьбы классов в Третьей Республике к «общечеловеческим» и «вечным» проблемам, пролить на эту борьбу примирительный слей общих рассуждений, подменить революционный протест против империализма философским недовольством — такова основная тенденция всего творчества Франса, перекрывающая разоблачительные задачи его произведений. Мастерски осуществляемый Франсом жанр философского романа находит свое объяснение в этой тенденции.

¹ «Oeuvres», v. XIV, p. 304.

² «Oeuvres», v. XX, Bibliographie.

Некоторые рукописи Франса дают для понимания философского бесфабульного жанра, к которому тяготеет писатель, материал исключительной наглядности. Так, рукопись «Красной линии» показывает, какой перепланировке подвергался типично-франсовский разговорный материал романа в процессе создания книги. Рассуждения об итальянских художниках, принадлежащие в рукописи Дешартру, распределены в печатном тексте уже между несколькими лицами, и Дешартр оказывается значительно разгруженным. Например, из уст Дешартра переходит в уста профессора Арриги рассказ о Перуджино, при этом безо всяких изменений, при помощи лишь небольшой связующей фразы.

Другая серия мыслей, связанная с темой Наполеона, претерпела аналогичную судьбу: в рукописи она принадлежит Дешартру, в печатном тексте ее высказывает,

ИЛЛЮСТРАЦИЯ РУБИЛЛИ К «ЗАПИСКАМ ВОЛОНТЕРА»

Из собрания сочинений Анатоля Франса, выпущенного издательством Кальманн-Левы

опять-таки безо всяких изменений, писатель Поль Ванс, уступивший, в свою очередь, замечание о маске Наполеона третьему персонажу — Даниэлю Саломону.

Подобные же перемещения разговорного материала находим мы и в других романах: в книге «На белом камне» слова Галлиона механически, почти без изменений, передаются его брату Меле; рассуждения о практицизме римлян в религии заимствованы Жаном Буайи, даже не упоминаемым в рукописи, у Ланжелье, который их произносит в рукописном тексте. Аналогичные факты дает и «Таис».

Думается, подобное перераспределение материала, почти механическое, может быть использовано не только с точки зрения «психологии творчества» или «творческой истории». Перенесение упомянутых отрывков от одного лица к другому дает наглядное доказательство для вывода, на который нередко подталкивает и окончательный текст: рассуждения, размышления, разговоры вступают в композиционную игру не только через соответствующее лицо, составляя часть его характеристики, но и непосредственно, имеют совершенно самостоятельное значение в тематике писателя. Слабость фабулы таким образом — не художественная слабость Франса, как согласно утверждают все критики, но органическая особенность его классового стиля, избранного им жанра философского романа.

Так неизвестные страницы Франса не раз и не два подталкивают нас к пересмотру всего творчества писателя, ибо и сам «известный» Франс в такой ли уж мере известен?

Валентина Дыникова